

Национальная политика государства: внутренние и внешние факторы

Научная статья
УДК 325.2254.6(=112.2)(571.1)"1940/1950"
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-59-75>

Положение женщин-немок в условиях депортации, трудармии и спецпоселения в Западной Сибири (1941—1956)

Евгения Александровна Скоп

Независимый исследователь, Новосибирск, Российская Федерация, skopevgenia22@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается положение женщин-немок в СССР в условиях депортации по национальному признаку. В основу статьи положены воспоминания и интервью немецких женщин, переживших трагедию нации в период сталинских репрессий, а также оценки исследователей этого вопроса. Совокупность анализируемых фактов позволяет воссоздать общий «женский путь» немки в условиях советской действительности 1940—1950-х гг. В фокусе внимания — важные вопросы повседневной жизни, некоторые детали быта, опыт выживания в чужой культурной среде с учетом реалий времени, религиозная жизнь, воссоединение семей, устройство в местах ссылки и психологическая адаптация к новым условиям. Факторы, обусловленные драматическими историческими событиями, поставили женщин в положение, когда они были вынуждены брать ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбу своих детей, родителей. Во многом эти переживания позволили немкам выжить, сберечь этнические традиции, язык, самосохраниться. Оказавшись в тяжелейших обстоятельствах, женщины вынуждены были применить навыки, полученные от своих предков, вспомнить все, чему их когда-то учили. Национальная принадлежность, клеймо предателей, врагов делали отношение окружающих к немецким женщинам более пренебрежительным в сравнении с отношением к другим депортированным.

Воспоминания, рассматриваемые в совокупности с письмами, дневниками, мемуарами, составляют единый комплекс источников для создания общей исторической панорамы. Анализ представленных свидетельств позволяет лучше понять положение советских немок в период военного лихолетья и после войны.

Ключевые слова: женщины-немки, репрессии, депортация немцев, трудармия, спецпоселение

Для цитирования: Скоп Е. А. Положение женщин-немок в условиях депортации, трудармии и спецпоселения в Западной Сибири (1941—1956 гг.) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 59—75. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-59-75>

State National policy: internal and external factors

Original article

German women in conditions of deportation, NKVD labour columns and special settlement in Western Siberia (1941—1956)**Evgenia A. Skop**

Independent researcher, Novosibirsk, Russian Federation, skopevgenia22@gmail.com

Abstract. The article examines lives of German women in the USSR under the conditions of deportation by nationality. The article introduces the memories and interviews of German women who experienced the tragedy of the nation during the Stalinist repressions, as well as the assessments of researchers of this issue. The analysis makes it possible to reconstruct the general “female path” of a German woman in the conditions of the Soviet reality of the 1940-1950s. The focus of attention is on important issues of everyday life, some details of everyday life, the experience of survival in a foreign cultural environment, taking into account the realities of the time, religious life, family reunification, arrangement in places of exile and psychological adaptation to new conditions. The factors caused by dramatic historical events put women in a position where they were forced to take responsibility not only for their own fate, but also for the fate of their children and parents. In many respects, these experiences allowed German women to survive, preserve their ethnic traditions, language and self-preservation. Finding themselves in dire circumstances, the women had to apply the skills they had learned from their ancestors and remember everything they had once been taught. Their nationality, the stigma of traitors and enemies, made the others to take German women more disdainful than other deportees.

The recollections, considered in conjunction with letters, diaries and memoirs, constitute a single set of sources for creating a general historical panorama. The analysis of the presented ego-documents helps to understand better Soviet Germans fate during and after the war.

Keywords: German women, repressions, deportation of Germans, NKVD labour columns, special settlement

For citation: Skop E.A. German Women in Conditions of Deportation, NKVD Labour Columns and Special Settlement in Western Siberia (1941—1956). *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):59—75. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-59-75>

Женщинам СССР пришлось на своих плечах вынести многие тяготы в годы Великой Отечественной войны. Они сражались на фронте, выносили на себе раненых, работали в тылу на полях, у станков, воспитывали детей, строили, лечили, совершали подвиги и гибли за свою Родину, ждали и надеялись на лучшее. Многие женские судьбы были омрачены этническими депортациями, выселением из родных мест, принудительным трудом и жизнью с клеймом спецпоселенца.

Судьбы немецких женщин в трудармии и на спецпоселении часто рассматривались исследователями в контексте общих исторических событий [1 ; 2]. Но были и специальные работы, посвященные этой теме [3—7]. Учеными подробно рассматриваются вопросы административно-правового положения, региональные особенности труда немцев, социально-бытовые условия пребывания, демографические процессы.

Проблеме воссоединения семей спецпоселенцев посвящены работы Н. М. Маркдорф и А. Б. Сулова, в основу которых положены материалы (в том числе данные личных дел) из региональных архивов [8 ; 9].

В статье проанализированы и обобщены факты о положении немецких женщин в Западной Сибири в рассматриваемый период. Автор затрагивает такие вопросы, как: положение немцев в местах размещения; трудовая мобилизация; отношение руководства к спецпоселенкам, отношения спецпо-

селенцев с родными, детьми, немцами-мужчинами и представителями других депортированных этносов; религиозная жизнь и воссоединение семей; послевоенное устройство спецконтингента немецкой национальности. В качестве источников использованы материалы семейных архивов потомков депортированных немцев, воспоминания трудармейцев и личные интервью, записанные исследователями и самим автором (например, с участниками общественной организации «Союз репрессированных граждан» и активистами движения российских немцев г. Новосибирска) в разные периоды, а также опубликованные в книжных и газетных публикациях, материалы новосибирских архивов, научные статьи, сборники официальных документов.

Согласно переписи населения 1939 г., в СССР проживало 1 427 232 немца, в том числе 366 683 — в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья (АССР НП) [10, с. 16—17].

В августе 1941 г. советское руководство решило депортировать граждан СССР немецкой национальности в восточные регионы страны, обвинив их в предательстве [11, с. 93]. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», «переселению подлежало все немецкое население» [12, с. 159—160].

Из доклада министра внутренних дел С. Н. Круглова на имя Л. П. Берии следует, что «в 1941—1942 гг. было выселено 806 533 немца — советских граждан. Из них до 1 января 1942 г. только из европейской части Советского Союза 799 459 человек было выселено в Казахстан, где уже проживало около 220 тыс. немцев. Вместе с военными, заключенными ГУЛАГа и женщинами, состоявшими в смешанных браках и не затронутыми депортацией, в конце 1941 г. на территории, контролируемой советской властью, находилось не более 1 100 тыс. немцев» [11, с. 93].

Операция по выселению немцев из Поволжья, начавшаяся в день опубликования в местных газетах указа, проводилась достаточно жестко. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1941 г. и указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья» территория республики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями [13, с. 432—433, 435—436].

Всего, по подсчету А. А. Германа, было выселено 438,6 тыс. человек, в том числе из АССР немцев Поволжья — 365,7 тыс. человек, из Саратовской области — 46,7 тыс. человек, из Сталинградской — 26,2 тыс. До конца 1942 г. в Новосибирскую, Омскую области, Красноярский и Алтайский края, а также Казахстан было выселено 799 459 немцев [3, с. 99]. Если глава семьи (муж) не являлся по национальности немцем, а жена — немка, семья не выселялась [10, с. 28].

Н. Э. Вашкау приводит воспоминания Э. И. Дудник (Шмидт), 1927 г. рождения, о депортации: «До войны я с семьей жила в г. Марксе. На сборы нам дали три дня, и что родители успели сделать — это натопить свиное мясо в двух ведрах, захватить одежду и еду, сколько могли унести в руках. А в семье семеро детей. Все нажитое оставили. Нам дали справку, где перечислили, что мы оставили: дом (он и сейчас стоит), мебель, корову, лодку, 20 кубометров дров. Почему мы получили справку? Отец знал русский язык и выхлопотал ее. Но по ней в Сибири мы ничего не получили. Она до сих пор в семье хранится. Ехали целый месяц. Выпускали нас только на больших станциях, а так везли мертвых в вагоне» [3, с. 99].

Э. А. Бауер (Сысенко) делилась: «О выселении объявили утром, дали 24 часа. Продуктов у нас не было дома, мы жили бедно, русские соседи еды на дорогу дали, в чем были, в том и поехали. Наша соседка, Лукьянова Дуня дала мне обрезки валенок, фуфайку. Мне они в трудармиигодились. Нам говорили, что через три месяца вернемся. Уезжали мама и нас шестеро

детей. Я самая старшая. В наши дома сразу заселили беженцев. Тетя Дуня им говорила: „Ничего не берите, это не ваше”. Но где уж было сберечь? Взяла она тогда себе зеркальце и сковородку, да так и хранила. Как мы вернулись из Казахстана в родную Сарепту, она отдала их нам. Так от этого времени у нас и хранятся в семье сковородка и зеркальце» [3, с. 99].

Прибывшие в эшелонах были развезены по местам вселения. В условиях сентябрьских и октябрьских ночных холодов Сибири прибывшим приходилось спасаться от переохлаждения и голода. Не редки были случаи смерти уже на станциях разгрузки, многие серьезно заболели и умерли уже в местах распределения [4, с. 62].

Уполномоченные органы обкома ВКП(б) отметили, что, например, в Венгеровском районе в результате безответственности руководства района прибывшие из АССР НП переселенцы не были обеспечены необходимым транспортом, своевременно размещены и расквартированы, поэтому десятки семей по несколько дней находились на железнодорожной станции без жилья и отдыха [14, л. 142].

Как указывает В. Н. Бруль, «именно перед женщинами в первую очередь встал вопрос, как и из чего готовить пищу семьям, чем и где постирать белье в условиях проживания в непригодных домах, складах, клубах, школах, а подчас и на скотных дворах. Переселенцы практически ничего не привезли с собой, компенсацию за сданные в местах выселения скот, зерно, имущество и жилые постройки большинство не получили» [4, с. 62].

Согласно докладной записке уполномоченных сотрудников районного отдела НКВД Чановского района Новосибирской области в декабре 1941 г., «в колхозы Чановского района прибыло около 6 тыс. переселенцев немцев из АССР НП и Краснодарского края на постоянное место жительства... Большинство переселенцев в колхозах не обеспечены помещениями; в совхозе № 260 в одной комнате живут две семьи в количестве 11 человек, тогда как эта квартира рассчитана на 5 человек. В результате такой уплотненности получилось заболевание детей 4-х человек. Директор знает об этом хорошо, но мер никаких не принимает, а в совхозе можно найти квартиру/отремонтировать; в колхозе „Большевик” в одном доме живут 3 семьи, 21 человек; в большинстве колхозов квартиры не подготовлены, т. е. не отоплены, окна не застеклены... Хуже дело обстояло с обеспечением переселенцев продуктами, имелись случаи, когда переселенцы по 3-4 суток сидели без хлеба, в результате чего фиксировались случаи смерти детей» [15, л. 8, 8 об.].

По мнению Л. П. Белковец, «сложности, с которыми столкнулись немцы-переселенцы, заключались не только в отсутствии жилищного фонда (несмотря на уплотнение, размещение в клубах, школах, подсобных помещениях и постройках, др.), нехватке стройматериалов, элементарных бытовых проблемах, невозможности получить хоть что-то, в том числе из продуктов питания по обменным квитанциям, которые выдавались в месте прежнего жительства». Зимой 1942/43 года начался настоящий голод. Практически во всех районах Новосибирской области были зафиксированы постоянное недоедание, случаи употребления в пищу мяса павших животных, факты смерти от истощения.

«Ряд фактов опухания колхозников и членов их семей от недоедания» был выявлен органами НКВД в колхозах «Рот Фронт», «Карл Либкнехт» Чистоозерного района. К весне 1943 г. у них закончились овощи и картофель, начался голод. К этому времени половина трудоспособных колхозников (из ста) перестали выходить на работу «вследствие сильного истощения и отсутствия теплой одежды. Одиннадцать семей (старуха и трое детей семьи Баумер, шестеро детей семьи Эмилии Бауер, четверо детей семьи Матильды Эплер, двое беспризорных детей семьи Герина 11 и 13 лет, и дети из других семей, чьи родители были в трудовом лагере) оказались в безвы-

ходном положении. И только после вмешательства партийного секретаря были приняты меры к оказанию помощи им продуктами питания и к обеспечению детей, скорее всего, переданных в детский дом» [16, с. 93—94].

Постановление Государственного комитета обороны от 10 января 1942 г. № ГКО-1123 «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» обязал всех мужчин указанного возраста, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края, а также Казахскую ССР, мобилизовать в рабочие колонны на все время войны [10, с. 39].

Согласно постановлению Государственного Комитета Обороны от 7 октября 1942 г. № ГОКО-2383сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», в рабочие колонны на все время войны были мобилизованы женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. Освобождались от мобилизации беременные и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет. Как позднее было официально признано, в рабочие колонны в нарушение всех инструкций были мобилизованы подростки 14 лет и лица старше 55 лет, беременные женщины, инвалиды 2-й и 3-й группы [4, с. 65—66]. Данные факты, согласно исследованиям Л. П. Белковец, «имели место с весны 1943 г., когда забирали 14, 15-летних, поскольку резервы призыва взрослого населения были исчерпаны. Женщин, детям которых исполнилось три года, также немедленно забирали. Подростков забирали со школьной скамьи, не дав доучиться.

Статус спецпереселенца переносился и на членов немецких семей не немцев. Впоследствии на русских жен были распространены все принятые в отношении немцев меры дискриминационного характера, в том числе в области трудового законодательства» [16, с. 174]. Дети старше трех лет передавались на воспитание остальным членам семьи, а при отсутствии таковых — ближайшим родственникам или в немецкие колхозы [16, с. 43]. Так начался непростой период трудармии в истории советских немцев, не только мужчин, но и женщин.

Как отмечал В. Н. Бруль, «за неявку на сборные пункты, самовольное оставление работы или дезертирство из рабочих колонн устанавливалась уголовная ответственность по указу Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. „Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий”» [4].

Н. Э. Вашкау писала, что «жизнь немецких женщин, направленных на предприятия и стройки, определялась общими инструкциями женского труда. Но и они не выполнялись повсеместно. Люди размещались в палатках, обвалованных снегом и покрытых ветками. Более капитально строились только бани, пекарни, кухни и складские помещения. Сильные ветры и морозы создавали неимоверные трудности» [3, с. 99].

В 1943—1944 гг. различными ведомствами (Наркомат целлюлозной и бумажной промышленности СССР, Наркомат внутренних дел СССР) были изданы инструкции по использованию на предприятиях труда мобилизованных немцев и немок, а также по организации режима, быта мобилизованных немок в лагерях и на строительствах НКВД СССР. Начальникам лагерей предписывалось использовать труд немок на работах комплексно, не ниже состава бригады — звена; проводить политмассовую работу, создать крепкий производственный актив. Немки должны были размещаться в бараках по колоннам, изолированно от остального населения; вокруг барачных устанавливались ограждения в виде забора, штакета или изгороди из колючей проволоки; проживание мобилизованных мужчин-немцев воспрещалось. Выход и вход на территорию размещения допускался только через вахту строем, под командой бригадира. На каждого человека подлежало выделению не менее 2,4 кв. м отремонтированного, утепленного и пригодного для жилья помещения, оборудованного двухярусными вагон-

ного типа нарами из строганого полиматериала, баками для питьевой и технической воды, умывальниками, кубовой сушилкой, камерами хранения, красным уголком и мастерскими для мелкого ремонта одежды и обуви. Женщины должны были быть обеспечены комплектом постельных принадлежностей, одеждой, обувью и бельем по сезону из лагерных фондов [10, с. 170, 191—198].

В докладной записке УНКВД по Новосибирской области в ГУЛАГ НКВД СССР «О трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев-немцев, расселенных в Новосибирской области» по состоянию на 20 марта 1943 г. приводятся отдельные факты, как положительного, так и негативного характера, в отношении немецких женщин: «Спецпереселенка Штеят Колпашевского района, работающая на плетении корзин для сбора рыбы, норму выработки выполняет на 150—200 %.

В колхозе „Красная роща” Доволенского района немка Вимер не пришла на скотный двор ухаживать за скотом по той причине, что у нее дома не с кем оставить малолетних детей. Колхозница Ларина на нее говорит: „Вы все, как фашисты, не хотите работать в колхозах, отсиживаетесь дома и ждете, когда ваша немчура придет и освободит вас”.

Проживающая в пос. Владимировка Купинского района депутатка Верховного Совета РСФСР переселенка Л. Г. Вольф ни одного раза не приглашалась на заседания сельисполкома.

Немец Шарф Павел из с. Малый Чик Ирменского района в письме своему отцу, мобилизованному в рабочую колонну, пишет: „Маму посадили в тюрьму за кражу на два года, кушать нечего, картошки нет, хлеба в колхозе не дают, мы сами картошку не сажали, потому что не было семян, а что заработали, уже поели, так что сейчас сидим голодом, промениваем последние вещи, а потом придется умирать с голоду”.

Немка Цахер Роза из В.-Ирмень пишет своей подруге Шнейдер, проживающей в Казахстане: „Здесь у нас очень голодно, хлеба не дают, картошки тоже, если не наступит скорее время, когда наша птичка полетит обратно, откуда прилетела, то видимо, придется умирать с голоду”» [17, с. 275—276, 278—279].

В своих воспоминаниях Н. Э. Вашкау указывает на то, что «женщин ставили на самые тяжелые работы — лесоповал, железнодорожное строительство, шахты, земляные работы. Не встречались в воспоминаниях факты, когда они работали на швейных фабриках, хлебзаводах и других местах, где логичнее было бы в условиях войны встретить женщин. Ведь и это требовалось фронту. Вспоминает Э. И. Дудник (Шмидт): „В трудармии я была в Тагилстрое. Работала куда пошлют. Железную дорогу чистили, трубы на доменных печах изолировали. Как коротали несколько свободных минут? Пели немецкие народные и божественные песни, это у нас никто не мог отнять. Библий не было, так что Бог только в душе был”» [3, с. 101—102].

На протяжении 1943—1944 гг. в документах уточнялась информация о количестве женских ресурсов, направленных на то или иное предприятие. Например, уполномоченные сотрудники отдела спецпоселений УНКВД по Новосибирской области 21 ноября 1944 г. сообщали начальнику своего отдела Кузнецову, что «в январе-апреле 1943 г. в систему Наркомата боеприпасов было передано немцев 5 130 человек: комбинату № 179 — 2 233 человек, заводу № 65 — 1 174 человек, заводу № 677 — 594 человек, заводу № 564 — 583, заводу № 556 — 545. Все немцы мобилизованы из Новосибирской области, и поступления из других краев и областей не было» [10, с. 275].

По информации А. А. Германа, «в июне 1944 г. на комбинат № 179 и завод № 65 Наркомата боеприпасов из Нарымского округа было доставлено 295 семей (768 мужчин, женщин, детей) немцев-спецпоселенцев. Все трудоспособные мобилизовались в рабочие колонны. Руководство комбината

к встрече новой партии трудармейцев не подготовилось. В связи с нехваткой жилья и отсутствием топлива на одном топчане спали по 2-3 человека» [18, с. 107].

Немецкие женщины были задействованы не только на производстве. Так, Н. М. Маркдорф приводит воспоминания Г. Ф. Вершининой (Полле), 1925 г. рождения, лютеранки, депортированной в 1941 г. из Ростовской области Колочинского района (с. Виктор-Фельд) и находившейся на спецпоселении в г. Сталинске (Новокузнецк): «В 1947 г. меня мобилизовали в переводчики в лагерь военнопленных. Нас увезли в Сталинск. Там мы работали в оперотделе. Нас жестко проверяли на знание немецкого и русского языков. Мы переводили письма военнопленных. Была строгая цензура. Прочитаешь письмо, ставишь печать в том, что оно прочитано. Мы письма переводили и отдавали их главному переводчику, а он уже относил их начальству. Никто не смел плохо писать. Писали: „Вкусно не питаемся, но голодными не ходим“ — такие письма еще пропускали, а если писали, что голодают, то письма сразу браковали. Писали обычные письма, как муж жене, матери: „Жив, здоров, работа тяжелая, но мы выдержим“. Но мало кто выдерживал» [19, с. 771].

Отдельным вопросом, заслуживающим внимания, остается заработная плата. В. В. Сарнова приходит к выводу: «В инструкциях говорилось, что оплата труда спецпоселенцев и местных жителей должна быть одинаковой. На практике же все было по-иному. Спецпереселенцы были вынуждены работать на износ, а их заработная плата оказалась много меньше, имели место обчеты и обманы. В информации Сталину Берия признавал, что заработки спецпоселенцев в Сибирском регионе составляли только половину прожиточного минимума» [20, с. 250].

В своей статье Л. И. Обердорфер указывает на то, что «правила содержания, режима и охраны наиболее строго соблюдались на тех объектах, которые находились в ведомственном подчинении НКВД СССР. На предприятиях других наркоматов, в том числе расположенных и на территории Новосибирской области, работники НКВД в своих докладах приводили многочисленные факты нарушения режима содержания. К их числу относилось размещение немок в бараках, не имеющих зоны ограждения, или отсутствие конвоя. Ситуация изменилась только в 1944 г. после принятия Инструкции об использовании труда мобилизованных немцев на предприятиях Наркомата боеприпасов. У многих немок были несовершеннолетние дети, которых не с кем было оставить в местах расселения, и некоторые жили вместе с матерями в лагерных бараках. Отсутствие детских садов и яслей приводило к тому, что дети оставались без присмотра. Тяжелые материально-бытовые, жилищные условия, недостаточное и некачественное питание, плохое медицинское обслуживание были причинами высокого уровня смертности, а также дезертирства с предприятий города. В отдельные месяцы бежало до 40 % от общей численности мобилизованных немцев. Наибольшее количество побегов пришлось на весну-лето 1943 г. и было связано с тем, что в результате мобилизации почти всего трудоспособного взрослого немецкого населения в сельской местности на местах первоначального расселения немцев осталось огромное количество беспризорных детей. Поэтому женщины, а они составляли подавляющее большинство бежавших с предприятий города в это время, стремились любой ценой вернуться к своим детям» [5, с. 138—139].

В интервью в 2005 г. участница общественной организации «Союз репрессированных граждан» Э. И. Гертнер рассказывала: «В октябре 1941-го пригнали нас в Новосибирскую область, в деревню Александрово, разутых и раздетых. Семья наша состояла из шести человек: четверо детей, мать и отец-инвалид II группы — потерял правую руку на молотилке в колхозе. Поселили нас в дом без окон и дверей. В 1942 г. всех взрослых забрали,

кроме отца. Дети бродили по улицам голодные, на ходу умирали, их тут же закапывали в снег. Позже туда (в трудармию. — *Е. С.*) отправили и отца. Мы с сестрой остались одни. Сестра вскоре умерла от голода...» [21].

Одна из трудармеек, стоявшая у истоков создания самоорганизации российских немцев в Новосибирске, Г. А. Думрауф вспоминала: «Мы попали в Доволенский район, в село Комендантка. Вскоре начали мобилизовывать в трудармию мужчин, потом и до женщин дошла очередь. В декабре 1942 г. всех женщин собрали, отвезли в Каргат, а оттуда в трудармию в Новосибирск. Мы с братом остались одни. Днем ходили побираться, а вечером, поскольку в доме было холодно, уходили ночевать в пригон на ферму, в стойлах устраивались между коров, укрывались сеном. Мама сбежала к нам летом из трудармии — страшно смотреть: кожа да кости. Тут облава на дезертиров началась. Нашелся добрый человек, дал пять килограммов муки и три килограмма конины, посоветовал самой вернуться на завод. Мама вернулась на Западный, вышла на работу со своей сменой. Призналась, что уезжала навестить голодных детей. Простили ее» [22].

В материалах личного дела № 4986 Информационного центра Главного управления МВД по Новосибирской области высылки Беч/Шиц Фриды Александровны мы находим сведения о ее работе в колхозе им. Тельмана Чистоозерного района Новосибирской области. Ее первого мужа, Густава Яковлевича Шица, забрали сотрудники НКВД в 1937 г., и семье ничего не было о нем известно. В 1943 г. Фриду забрали в трудармию. На тот момент у нее было трое детей в возрасте от 7 до 12 лет: Яков, Марта и Мария. Она стала работать чернорабочей в ОРСе (подсобное хозяйство) завода № 702 (г. Новосибирск). Детей она смогла забрать только в 1944 г., приехав в отпуск. По воспоминаниям ее младших дочерей, Ф. Д. Борискиной (Беч) и Р. Д. Ковалевой (Беч), «Фрида содержалась в одном из „немецких поселков“ спецпереселенцев Кировского района г. Новосибирска вблизи станции Кривошеково. Их под конвоем водили на работу на комбинат „Сибкомбайн“ и обратно. Она все время думала о своих детях, оставшихся в деревне. Их судьба ей не была известна, что разрывало ей сердце»¹.

Исследователь Л. П. Белковец упоминает историю 14-летней работницы завода № 65 Розы Штекляйн, которая «была одета только в потрепанное платье, порванный ватник, с голыми коленями, без белья. Она ежедневно наравне со взрослыми преодолевала путь в пять км до завода и обратно, систематически перевыполняла норму, но за четыре месяца смогла заработать только 90 руб., на которые нельзя было приобрести и хлеба» [23, с. 308].

Интересны подробные воспоминания Ф. И. Терентьевой (Вельш), упоминаемые В. И. Брулем: «В ноябре 1942 г. нам с сестрой пришли повестки на комиссию Ояш, что в 26 км от нашей деревни. Туда мы поехали на санях, а возвращались вечером, снег растаял, лошадь едва тащила пустые сани, и пришлось нам идти пешком. Я сильно заболела и месяц пролежала на печи. В таком состоянии меня забрали в трудармию. В товарных вагонах нас привезли 31 декабря в Кривошеково (в г. Новосибирске). Сразу повели в баню, а оттуда в барак. В нем было два больших помещения, от стены до стены в два яруса стояли четыре ряда сплошных нар. В бараке было тепло, но только до тех пор, пока горела буржуйка. К утру вода в чайнике на печке превращалась в лед, а мы грелись друг о дружку, положив на себя все, что можно...» [4, с. 77—80].

Об одной из страниц своей жизни женщины повествуют особенно неохотно. В. И. Бруль, анализируя множество фактов, приходит к выводу о том, что женщины «были молоды и достойны любви. Но встречали только ненависть и прямое посягательство на честь со стороны охраны. Добрые

¹ Воспоминания Фриды Даниловны Борискиной (Беч) (г. Новосибирск) и Розы Даниловны Ковалевой (Беч) (г. Дрезден) записаны Е. А. Скоп в 2019 г. и 2020 г. Публикуются с разрешения респондентов.

воспоминания о встречах с мужчинами, проявившими жалость, теплоту, хоть тень любви, спасли не одну жизнь, но это была большая редкость. Со стороны же мастера или бригадира было опасно даже проявить чувство к немке. Нечеловеческие условия работы, содержания и питания ставили женщин на грань жизни и смерти. Они часто находились в состоянии моральной и психологической раздвоенности, когда приходилось выбирать между естественным стремлением выжить и идти ради этого против своих внутренних убеждений. Некоторые из них, чтобы выжить, сожительствовали с охранниками НКВД за пайку хлеба, за возможность не выйти на работу или получить более легкую работу». Исследователю удалось записать воспоминания многих женщин, прошедших трудармию: «О вышеприведенных явлениях они рассказывали, как о само собой разумеющемся и обыденном. В среде немецкого населения это тоже никогда не скрывалось» [4, с. 74]. Так, А. И. Зигмантович (Рунк) делилась: «По воспоминаниям моей мамы, Шмидт Марии, которая работала на заводе № 555 комбината „Сибкомбайн“, женщины жили в бараках, за колючей проволокой, под охраной с собаками. Мама часто вспоминала своих соседок по бараку: как все получали небольшую норму хлеба, как было очень тяжело, как замерзали. В цехе было очень холодно, мерзли руки, одежды не было. Случалось, что женщины рожали детей... но кроме охранников там никого не было... Не все с этим справлялись»¹.

В 1944 г. режим заметно смягчился. Но встречи молодых людей не разрешались долго. Женщины не имели права покидать лагерь и заводить знакомства с мужчинами-немцами из соседнего лагеря. До 1948 г. создание таких семей считали криминалом. Из-за отсутствия документов браки не регистрировались, а в свидетельствах о рождении в графе «Отец» ставили прочерк [3, с. 102—103].

Были случаи, когда немецкие военнопленные встречались и влюблялись в трудармеек. Как указывает Н. М. Маркдорф, в своих мемуарах бывшие немецкие военнопленные вспоминали, что в шахтах и на промышленных предприятиях работало много женщин и девушек — поволжских немок, а также депортированных в 1941 г. из Ростовской, Днепропетровской, Воронежской областей, интернированных из Германии и Польши, общение и взаимопонимание с которыми достаточно быстро удалось наладить. «...Однажды на стеклозавод, где мы работали, пригнали семьдесят интернированных немецких женщин. Выглядели они очень плохо, серые лица, очень худые и изможденные. Однако, работая рядом с нами, они улыбались, вскоре завязались первые знакомства, назначались свидания. Особенно мне понравилась одна из них — Анна Лизе Лерке. На следующий день я принес ей цветов...» [19, с. 774].

Данные факты находят отражения и в воспоминаниях Ф. Д. Борискиной (Беч): «Я знала одну такую семью, они жили на общей площадке с моими родственниками, семьей Роот, в деревянном бараке в районе „Телецентр“. Точно помню юношу по имени Юрий и его маму. Его отец был немецкий военнопленный и трудился где-то на производстве в Кировском районе г. Новосибирска. Родные из Германии долгие годы искали его и смогли найти в 50-х гг. только через „Красный Крест“ в Сибири».

Как отмечает Л. И. Обердерфер, «максимально возможное вовлечение женщин в производство было одним из факторов сокращения рождаемости. В первые послевоенные годы возвращение больших контингентов демобилизованных мужчин способствовало нормализации брачной структуры местного населения и вызвало волну компенсаторной рождаемости. Но у немецкого населения эти показатели были несколько иными. Во-первых,

¹ Воспоминания Альмы Ивановны Зигмантович (Рунк) записаны Е. А. Скоп в г. Новосибирске в 2022 г. Публикуются с разрешения респондента.

массовое возвращение в Новосибирскую область демобилизованных из трудармии немцев началось только в 1947 г. и не носило массового характера, так как был принят ряд мер, препятствовавших выезду немцев на места проживания. Во-вторых, те немцы, которых демобилизовали из трудовой армии, имели совершенно подорванное здоровье. Это, несомненно, отразилось как на снижении рождаемости, так и на увеличении смертности. В соответствии с колебаниями смертности и рождаемости населения формировались показатели естественного прироста» [24, с. 335—336].

Еще одной немаловажной частью жизни немецких женщин в трудармии была духовная жизнь, отмеченная особой советской печатью. Т. В. Савранина в своем исследовании рассматривала религиозные традиции немцев в условиях депортации. «Верующие, как и общество, были бессильны в ситуации полного лишения прав и репрессий. Представители разных конфессий оказались в одинаково нечеловеческих условиях. Вера, религиозная этика помогли немцам пережить те испытания, которые выпали на их судьбу. В Любинском районе в деревне Замелетеновка Э. Герберт рассказала в 1989 г. о своей судьбе: „В 1942 г., тогда мне было 17 лет, мне и моим четырём сестрам приказали с вещами явиться в райцентр. В нашей семье у родителей было пятеро дочерей. Старшей моей сестре, у которой были маленькие дети, разрешили остаться. С сестрами нас разлучили почти сразу. Меня увезли сначала на соледобывающий завод, где я работала по колено в ледяной воде, потом я работала на шахте, затем на лесоповале. Всего я провела в трудармии более 10 лет. И только в 1953 г. я подошла к калитке своего дома. Во дворе играли мои племянники, и вскоре вышла моя мама, но и они не узнали меня и спросили, к кому я пришла? Мне было около 30 лет, а выглядела я как старуха. Я не могла ответить, просто стояла и плакала”. Эльза проработала всю жизнь в колхозе, у нее, как и у многих немецких женщин, после трудармии не было детей. На вопрос: „Как она могла это пережить?“, она ответила: „Со мной был Бог”» [25, с. 318].

На основании проведенного исследования Н. Э. Вашкау приходит к выводу о том, что «депортированные немцы смирились со своей судьбой. Открытых массовых протестов или антиправительственных выступлений не было. Подавляющее большинство мужчин и женщин было разбросано по огромной территории страны, а запрет на выезд в места прежнего расселения оставался в силе до 1972 г.; прежние семейные и родственные узы были разорваны окончательно, разрушалась национальная среда. Немецкая семья перестала быть колыбелью родного языка, национального духа и традиций. Немецкие женщины, вынесшие тяготы морального и физического унижения, оказались цветами за проволокой лагеря» [3, с. 104].

С окончанием войны система рабочих колонн стала постепенно ликвидироваться. В конце 1945 г., вышли постановления СНК СССР о закреплении мобилизованных немцев за предприятиями соответствующих наркоматов (в Башкирии, Коми АССР, Татарской АССР, Куйбышевской, Молотовской, Свердловской, Тульской, Челябинской, Ульяновской областях и в сибирских краях и областях) и о разрешении вызывать к себе на постоянное место жительства членов семей из мест поселений, а также работающих в других наркоматах и ведомствах, кроме нескольких (нефти, угля, лесной, черных и цветных металлов, золото-платиновой). В соответствии с директивами ГУЛАГа и отдела спецпоселений НКВД СССР № 42/79512-52/8713 от 22 декабря 1945 г. немцы подлежали демобилизации, а администрация лагерей истроек должна была направлять их к семьям в места поселения или передавать в постоянные кадры промышленных предприятий. Демобилизация началась с немцев, имеющих грудных детей, родившихся в период нахождения их в лагере [16, с. 150].

Острой проблемой для немецких женщин было воссоединение семей. Большая часть немецких семей соединилась только к концу 1949 г. В от-

чете УМВД Омской области за IV квартал 1950 г. отмечено, что несоединимыми остались 402 семьи (898 человек). УМВД Московской области на неоднократные запросы об отправке в Омскую область немцев, мобилизованных в период войны в промышленность Московской области, отвечало отказом, ссылаясь на то, что администрация предприятий не отпускает их с работы. В пример приводилось несколько немецких семей, в которых женщины с детьми находились в крайне тяжелых материальных условиях, восемь лет жили разрозненно и остро нуждались в соединении с главами семей. В Новосибирской области в несоединенных семьях числилось 1 800 человек. В августе 1950 г. в спецкомендатурах № 46 и 47 Молотовского района Омской области на учете состояло 236 немецких семей, в них насчитывалось 907 человек. Средний состав семьи — 3,8 человек. В 55 % семей главой были женщины и лишь в 45 % — мужчины [26, с. 325].

Актуальной оставалась и политика ограничений в отношении спецпоселенков. Так, в 1946 г. в Новосибирской области сложилась неоднозначная ситуация с награждением многодетных матерей немецкой и калмыцкой национальностей орденами «Материнская слава», медалями материнства и присвоением почетного звания «Мать-героиня». На рассмотрении в Обл-исполкоме находилось 225 нерассмотренных дел матерей этой категории, представленных райисполкомами, и еще несколько дел находилось на местах. Однако представление к наградам матерей данного контингента было задержано до момента награждения основной массы многодетных матерей местных жителей и эвакуированных [27, с. 27—28].

Несмотря ни на что, люди, вынужденно оказавшиеся в Сибири, поддерживали друг друга. Например, немцы и калмыки в своих интервью и воспоминаниях о периоде совместного проживания в изгнании на сибирской земле говорили о помощи в общежитии и добрососедских отношениях, взаимовыручке, поскольку все оставались в одинаково сложном положении [28, с. 50 ; 29, с. 318].

В 1950 г. массовый размах набрали необоснованные трудовые ограничения. Как указывает А. А. Шадт, «в Северном районе Новосибирской области в первой половине марта из Северной школы были уволены все выселенцы-немцы в количестве 9 человек, работавшие в качестве кочегаров, дворников, техников, несмотря на то, что многие работали в школе по 5-6 лет. Основанием к увольнению, как передает секретарь РК ВКП (б) Коробейников начальнику РО МВД, послужило имеющееся у него указание о невозможности „использования на работах выселенцев в культурно-воспитательных учреждениях“. 20 марта из Северного райкомхоза была уволена немка Ф. Б. Браун, которая находилась на пятом месяце беременности. В колхозе „Советская Сибирь“ Ордынского района выселенка Котгиль была снята с работы в качестве доярки, другой же работы ей не дали, хотя она и просила правление колхоза» [30, с. 451—452].

Вопреки всем жизненным перипетиям послевоенного времени постепенно стала возрождаться и духовная жизнь немцев. Эти начинания обычно исходили от женщин среднего и старшего возраста, помнивших молитвы, обряды и учивших этому своих детей и внуков. Многим немкам удалось взять с собой из родных немецких колоний Библию и песенники, принадлежавшие не одному поколению семьи, их старательно прятали и таким образом сумели сохранить. Например, в конце 1940 — начале 1950-х гг. на территории Кировского района Новосибирска, где компактно проживали немцы-трудармейцы и их семьи, на средства прихожан в частных домах были организованы моленные дома лютеран (ул. Кавказская) и баптистов (недалеко от ул. Немировича-Данченко). Верующие посещали их целыми семьями, продолжая соблюдать все религиозные правила.

В середине 1950-х гг. многие народы, депортированные в Сибирь, уже вернулись в места своего прежнего проживания, в родные края, советские

немцы все еще проживали в режиме спецпоселения, что вызывало недовольство и возмущение. Однако немцы продолжали надеяться на лучшее. Постепенно ситуация начала меняться. Важную роль в улучшении положения советских немцев сыграл визит канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР в сентябре 1955 г. и установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Л. П. Белковец указывала: «15 декабря 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР „О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении“ все категории спецконтингента были освобождены. „Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев-немцев и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызывающиеся необходимостью, — говорилось в указе, — снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев — граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение“. Снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влекло за собой возвращение имущества, „конфискованного при выселении“, и не давало немцам права возвращаться в места „откуда они были выселены“. Ни о каком признании совершенной ошибки не могло быть и речи» [16, с. 289].

Согласно информации от 19 марта 1956 г. «О выполнении указаний Обкома КПСС о закреплении немцев в местах их поселения на постоянное местожительство (письмо Обкома КПСС от 18 февраля 1956 г. № 37)», в Новосибирской области было организовано доведение данного указа до каждого взрослого немца и его разъяснение. При этом были установлены отдельные факты недовольства:

Е. Я. Шрейбер, 1886 г. рождения, домохозяйка, заявила: «Я Указ подписывать не буду. Я не согласна с Указом. Как это так, что я не могу получить обратно свое имущество, оставленное при выселении?».

Е. К. Маркштедер, 1932 г. рождения, рабочая: «По Указу я не могу выехать на родину... Хотя я и так человек без родины».

Е. И. Шмидт, 1918 г. рождения, доярка колхоза им. Жданова: «На черта нам нужна такая свобода, пусть уж нас закуют в кандалы, если не разрешают ехать на родину. Если я свободна, то почему не могу ехать на родину?» [31, л. 1—2].

По мнению Е. В. Конева, «для улучшения общей ситуации и с целью закрепить немцев в Сибири 7 июля 1956 г. бюро Новосибирского обкома КПСС приняло постановление „Об усилении массово-политической работы среди советских граждан немецкой национальности“. Бюро обкома предложило в течение июля-августа 1956 г. райкомам совместно с райисполкомами разобраться с материально-бытовыми условиями жизни каждой немецкой семьи и оказать им необходимую реальную помощь в деле улучшения их благосостояния. В октябре 1956 г. обкому был предоставлен отчет Кировского райкома о ходе выполнения постановления от 7 июля. Бюро обкома отметило, что массово-политическая работа среди немцев проводится неудовлетворительно, и предложило первым секретарям горкомов и райкомов разработать и осуществить мероприятия по улучшению политико-воспитательной деятельности и жилищно-бытовых условий. В связи с тем, что в Новосибирской области проживало значительное количество немцев, с 1956 г. отдел радиоинформации проводил один раз в неделю передачи на немецком языке. Вместе с тем во второй половине 1950-х гг. значительная часть трудящихся находилась в плохих жилищных условиях. Так, в Кировском районе г. Новосибирска в 1956 г. из 1 950 немецких семей большинство, так же как и 27 семей на пятом государственном подшипниковом заводе (ГПЗ-5) г. Томска, проживали в неблагоустроенных бараках, 35 — в землянках и только 153 имели собственные дома.

Особенно в тяжелых бытовых условиях находились немцы, работавшие на заводах — турбогенераторном, им. Ефремова, „Сибсельмаш” г. Новосибирска, а также „Сибэлектромотор” г. Томска. Возможностей по переселению их в лучшие квартиры предприятия не имели» [32, с. 129—130].

Данная ситуация начала меняться к началу 1960-х гг., когда многие немцы и немки (бывшие трудармейцы), в большинстве своем оставаясь работать на тех же предприятиях, что и во время войны, стали получать квартиры или комнаты в общежитиях. И жизнь советских немцев практически перестала отличаться от жизни остальных граждан СССР¹.

Насильственное переселение немцев оборвало образовательные и культурные процессы, привело к угасанию национального самосознания, духовной культуры: дети забыли родной язык, взрослые утратили национальный менталитет. Чувство национальной принадлежности долгие годы поддерживалось лишь благодаря семейным традициям и необходимости сохранить свое достоинство в условиях официальной и бытовой дискриминации [33, с. 272].

Когда страшные события в жизни советских немцев остались в прошлом, женщины вновь вернулись к привычной для себя роли жены и матери. На первый план для многих семей вышли проблемы сохранения культурной идентичности. Многие женщины, вступая в брак с представителями других этносов, создавая смешенные семьи и не желая повторения своей судьбы детям, записывали их по национальности мужа, давали обычные русские имена, и лишь немногие продолжали негласно обучать детей родному языку, соблюдать национальные традиции, отмечать праздники и проводить религиозные обряды. Систематическая дискриминация, ущемление культуры и подрыв самоидентификации столь огромной национальной группы на территории необъятной страны не могло способствовать возрождению прежнего уклада жизни и стало возможным только в конце 1980-х гг.

Список источников

1. Бугай Н. Ф. Л. Берия—И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»: [о депортации народов в СССР в 30—40-е гг.]. М. : АИРО-XX, 1995. 319 с.
2. Охотников А. Ю. Немцы Северной Кулунды: стратегии и результаты социальной адаптации (1910—1960-е гг.) / отв. ред. И. В. Октябрьская. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. 212 с.
3. Вашкау Н. Э. Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. 2002. № 10. С. 99—104.
4. Бруль В. Немецкие женщины в годы войны и спецпоселения (1941—1955 гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие, 1941—1955 : материалы 7-й междунар. науч. конф. (Москва, 19—22 окт. 2000 г.). М. : Готика, 2001. С. 57—83.
5. Обердирфер Л. И. Труд немецких женщин на предприятиях города Новосибирска в годы Великой Отечественной войны // Новосибирская область в контексте российской истории : материалы регион. ист.-краевед. конф., 13—15 июня 2001 г. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2001. С. 137—140.
6. Обердирфер Л. И. К вопросу о гендерном аспекте депортации, «трудармии» и спецпоселения российских немцев = Zur Frage über Genderaspekt der Deportation, «Trudarmee» und Sondersiedlung der Russlanddeutschen // UMOTNAS.RU : [сайт]. URL: <https://umotnas.ru/umot/k-voprosu-o-gendernom-aspekte-deportacii-trudarmii-i-specposel/> (дата обращения: 18.03.2023).
7. Ищак Л. А. Российские немки на Архангельском Севере // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 26—28 августа 2011 г.). М. : МСНК-пресс, 2011. С. 583—588.
8. Маркдорф Н. М. Проблема воссоединения семей российских немцев в 1941—1956 гг.: по материалам личных дел // Немцы России в общественно-политической жизни страны

¹ По воспоминаниям потомков трудармейцев Кировского/Ленинского районов г. Новосибирска (материалы интервью с В. Ю. Прахтом, Б. Вернером, Ф. Д. Борискиной (Беч) — участником Союза репрессированных граждан, а также А. С. Роот, Л. А. Ведерниковой (Роот)), записанным Е. А. Скоп в период с 2011—2022 гг.

- (XVIII—XXI вв.) : материалы 16-й междунар. науч. конф. (Москва, 27—31 октября 2016 г.). М. : РусДойч Медиа, 2017. 428 с.
9. Суслов А. Б. Вмешательство государства в семейную жизнь спецпоселенцев в послевоенный период // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2013. № 3. С. 196—201.
 10. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М. : Готика, 2000. 251 с.
 11. Кригер В. Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев 1942—1946 гг. // Родина. 2002. № 10. С. 93—98.
 12. История российских немцев в документах (1763—1992 гг.) / РАУ-корпорация, Междунар. ин-т гуманист. прогр. ; [составители В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева]. М. : МИГУП, 1993. 448 с.
 13. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
 14. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 127.
 15. ГАО. Ф. П-89. Оп. 1. Д. 133.
 16. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941—1945 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. 320 с.
 17. Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921—1991 / сост. В. И. Баяндин, В. А. Ильиных, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. Новосибирск : Экор, 1997. 768 с.
 18. Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941—1945). М. : Готика, 1998. 208 с.
 19. Маркдорф Н. М. О советских немцах, немцах-спецпоселенцах в западносибирских лагерях НКВД — МВД СССР для военнопленных: 1943—1950 гг. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 26—28 августа 2011 г.). М. : МСНК-пресс, 2011. С. 769—775.
 20. Сарнова В. В. Принудительная миграция населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны : моногр. / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2012. 274 с.
 21. ГАО. Ф. Р-600. Оп. 4. Д. 64.
 22. Крылов В. Ты виноват, потому что немец // Вечерний Новосибирск. 2011. 7 сент.
 23. Белковец Л. П. Нарымская эпопея немцев Поволжья 1941—1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 284—313.
 24. Обердирфер Л. Демографическое положение немецкого населения в 1940-е // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие: 1941—1955 гг. : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 19—22 октября 2000 г.). М., 2000. С. 321—344.
 25. Савранина Т. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941—1955 гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие: 1941—1955 гг. : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 19—22 октября 2000 г.). М., 2000. С. 313—320.
 26. Бруль В. И. Российские немцы в Сибири в 1935—1965 гг.: сравнение с другими депортированными народами (поляками, калмыками, латышами, эстонцами, литовцами) // Немцы на Урале и в Сибири XVI—XX вв. : материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI—XX вв.» (3—9 сент. 1999). Екатеринбург, 2001. С. 315—340.
 27. ГАО. Ф. Р-1020. Оп. 6. Д. 17.
 28. Зберовская Е. Л. Калмыки-спецпоселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 13. С. 46—51.
 29. Мир прекрасен: Андреас Крамер. Стихи. Тамара Куделина. Воспоминания об отце Андреасе Крамере = Die Welt ist schön: Andreas Kramer. Gedichte. Tamara Kudelin. Erinnerungen an den Vater Andreas Kramer / Немцы Алтая, Центр культурно-делового сотрудничества. Барнаул, 2020. 318 с.
 30. Шадт А. А. Труд советских трудармейцев в Сибири в условиях спецпоселения и «Трудовой армии» // История и этнография немцев в Сибири : [коллектив. моногр.] / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 444—464.
 31. ГАО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 509.
 32. Конев Е. В. Политика закрепления немецкого населения в местах бывшего спецпоселения во второй половине 1950-х гг. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) // Ключевые проблемы истории российских немцев : материалы X междунар. конф. Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Москва, 18—21 нояб. 2003 г.). М. : МСНК-пресс, 2004. С. 128—134.

33. Белковец Л. П., Шадт А. А. Спецпереселенцы — немцы Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны // Пятьдесят лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне : материалы науч. конф. Новосибирск, 1995. С. 269—272.

References

1. Bugay N.F. L. Beriya-I. Stalinu: "Soglasno Vashemu ukazaniyu...": [o deportatsii narodov v SSSR v 30-40-e gg.] [L. Beria to I. Stalin: "According to your instructions...", [on the deportation of peoples in the USSR in the 30s-40s]]. Moscow, AIRO-XX, 1995, 319 p.
2. Okhotnikov A.Yu. Nemtsy Severnoy Kulundy: strategii i rezul'taty sotsial'noy adaptatsii (1910-1960-e gg.) [Germans of Northern Kulunda: Strategies and Results of Social Adaptation (1910-1960s)]. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2012, 212 p.
3. Vashkau N.E. Bez viny vinovaty. Rossiyskie nemtsy na spetsposelenii i v trudarmii [Guiltless. Russian Germans on Special Settlement and in the Labor Army], *Rodina*, 2002, no. 10, pp. 99-104.
4. Brul' V. Nemetskie zhenshchiny v gody voyny i spetsposeleniya (1941-1955 gg.) [German Women in Wartime and Special Settlement (1941-1955)], *Nemtsy SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v pervoe poslevoennoe desyatiletie, 1941-1955* [Germans of the USSR during the Great Patriotic War and in the First Postwar Decade, 1941-1955], materialy 7-y mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 19-22 October, 2000). Moscow, Gotika, 2001, pp. 57-83.
5. Oberderfer L.I. Trud nemetskikh zhenshchin na predpriyatiyakh goroda Novosibirska v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Labor of German Women at the Enterprises of Novosibirsk during the Great Patriotic War], *Novosibirskaya oblast' v kontekste rossiyskoy istorii* [Novosibirsk Region in the Context of Russian History], materialy region. ist.-kraeved. konf., 13-15 June, 2001. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN, 2001, pp. 137-140.
6. Oberderfer L.I. K voprosu o gendernom aspekte deportatsii, "trudarmii" i spetsposeleniya rossiyskikh nemtsev = Zur Frage über Genderaspekt der Deportation, "Trudarmee" und Sondersiedlung der Russlanddeutschen [On the Gender Aspect of Deportation, "Trudarmiya" and Special Settlement of Russian Germans], *UMOTNAS.RU*, [site]. Available at: <https://umotnas.ru/umot/k-voprosu-o-gendernom-aspekte-deportatsii-trudarmii-i-specposel/> (accessed: 18.03.2023).
7. Ishchak L.A. Rossiyskie nemki na Arkhangel'skom Severe [Russian Germans in the Arkhangelsk North], *Nachal'nyy period Velikoy Otechestvennoy voyny i deportatsiya rossiyskikh nemtsev: vzglyady i otsenki cherez 70 let* [The initial period of the Great Patriotic War and the deportation of Russian Germans: views and assessments 70 years later], materialy 3-y mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Saratov, 26-28, August, 2011). Moscow, MSNK-press, 2011, pp. 583-588.
8. Markdorf N.M. Problema vossoedineniya semey rossiyskikh nemtsev v 1941-1956 gg.: po materialam lichnykh del [The problem of Family Reunification of Russian Germans in 1941-1956: on the Materials of Personal Files], *Nemtsy Rossii v obshchestvenno-politicheskoy zhizni strany (XVIII—XXI vv.)* [Germans of Russia in the social and political life of the country (XVIII-XXI centuries)], materialy 16-y mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 27-31 October 2016). Moscow, RusDoych Media, 2017, 428 p.
9. Suslov A.B. Vmeshatel'stvo gosudarstva v semeynuyu zhizn' spetsposelentsev v poslevoennyi period [State Intervention in the Family Life of Special Settlers in the Post-War Period], *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. "Istoriya"* [Herald of Perm University. Ser. "History"], 2013, no. 3, pp. 196-201.
10. Bugay N.F. (ed.) "Mobilizovat' nemtsev v rabochie kolonny... I. Stalin": sb. dok. (1940-ee gody) ["To Mobilize Germans into Workers' Columns... I. Stalin": collection of documents (1940s)], 2-e izd. Moscow, Gotika, 2000, 251 p.
11. Kriger V. Patrioty ili predateli? Politicheskie i ugovnyye protsessy protiv rossiyskikh nemtsev 1942-1946 gg. [Patriots or traitors? Political and Criminal Trials against Russian Germans in 1942-1946], *Rodina*, 2002, no. 10, pp. 93-98.
12. Auman V.A., Chebotareva V.G. (eds.) Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763-1992 gg.) [History of Russian Germans in Documents (1763-1992)]. Moscow, MIGUP, 1993, 448 p.
13. German A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918-1941 [German Autonomy on the Volga. 1918-1941]. Moscow, MSNK-press, 2007, 576 p.
14. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)], coll. P-4, aids. 34, fol. 127.
15. GANO, coll. P-89, aids. 1, fol. 133.
16. Belkovets L.P. Administrativno-pravovoe polozhenie rossiyskikh nemtsev na spetsposelenii 1941-1945 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie [Administrative and Legal Status of Russian Germans in Special Resettlement 1941-1945: Historical and Legal Study]. Novosibirsk, Publ. SO RAN, 2003, 320 p.

17. Bayandin V.I., Il'nykh V.A., Krasil'nikov S.A., Kuznetsov I.S. (eds.) *Nasha malaya rodina: khrestomatiya po istorii Novosibirskoy oblasti. 1921-1991* [Our Small Motherland: a textbook on the history of the Novosibirsk region. 1921-1991]. Novosibirsk, Ekor, 1997, 768 p.
18. German A.A., Kurochkin A.N. *Nemtsy SSSR v trudovoy armii (1941-1945)* [USSR Germans in the Labor Army (1941-1945)]. Moscow, Gotika, 1998, 208 p.
19. Markdorf N.M. O sovetskikh nemtsakh, nemtsakh-spetsposelentsakh v zapadnosibirskikh lageryakh NKVD - MVD SSSR dlya voennoplennyykh: 1943-1950 gg. [On Soviet Germans, Germans-Special Settlers in the West Siberian Camps of the NKVD-MIA of the USSR for Prisoners of War: 1943-1950], *Nachal'nyy pe-riod Velikoy Otechestvennoy voyny i deportatsiya rossiyskikh nemtsev: vzglyady i otsenki cherez 70 let* [The Initial Period of the Great Patriotic War and the Deportation of Russian Germans: Views and Assessments 70 Years later], *materialy 3-y mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Saratov, 26-28 August, 2011)*. Moscow, MSNK-press, 2011, pp. 769-775.
20. Sarnova V.V. *Prinuditel'naya migratsiya naseleniya SSSR v Zapadnuyu Sibir' v period Vtoroy mirovoy voyny* [Forced Migration of the USSR Population to Western Siberia during World War II], monogr. Novosibirsk, 2012, 274 p.
21. *GANO*, coll. R-600, aids. 4, fol. 64.
22. Krylov V. Ty vinovat, potomu chto nemets [You are guilty because you are German], *Vecherniy Novosibirsk*, 2011, 7 September.
23. Belkovets L.P. Narymskaya epopeya nemtsev Povolzh'ya 1941-1945 gg. [The Narym Epic of the Volga Region Germans 1941-1945], *Migratsionnye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt* [Migration Processes among Russian Germans: Historical Aspects]. Moscow, 1998, pp. 284-313.
24. Oberderfer L. Demograficheskoe polozhenie nemetskogo naseleniya v 1940-e [The Demography of the German Population in the 1940s], *Nemtsy SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoennoe desyatiletie: 1941-1955 gg.* [Germans of the USSR during the Great Patriotic War and in the Postwar Decade: 1941-1955], *materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 19-22 October, 2000)*. Moscow, 2000, pp. 321-344.
25. Savranina T. Religioznye organizatsii nemtsev v Zapadnoy Sibiri v 1941-1955 gg. [Religious Organizations of Germans in Western Siberia in 1941-1955], *Nemtsy SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoennoe desyatiletie: 1941-1955 gg.* [Germans of the USSR during the Great Patriotic War and in the Postwar Decade: 1941-1955], *materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 19-22 October, 2000)*. Moscow, 2000, pp. 313-320.
26. Brul' V.I. Rossiyskie nemtsy v Sibiri v 1935-1965 gg.: sravnenie s drugimi deportirovannymi narodami (polyakami, kalmykami, latyshami, estontsamami, litovtsami) [Russian Germans in Siberia in 1935-1965: in Comparison with Other Deported Peoples (Poles, Kalmyks, Latvians, Estonians, Lithuanians)], *Nemtsy na Urale i v Sibiri XVI-XX vv.* [Germans in the Urals and Siberia XVI-XX centuries], *materialy nauch. konf. "Germaniya - Rossiya: istoricheskiy opyt mezhregional'nogo vzaimodeystviya XVI-XX vv."* (3-9 September, 1999). Ekaterinburg, 2001, pp. 315-340.
27. *GANO*, coll. R-1020, aids. 6, fol. 17.
28. Zberovskaya E.L. Kalmyki-spetsposelentsy v Sibiri: problemy sokhraneniya etnicheskoy identichnosti v usloviyakh deportatsii [Kalmyk Special Settlers in Siberia: Problems of Preserving Ethnic Identity in Conditions of Deportation], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences], 2013, no.13, pp. 46-51.
29. Mir prekrasen: Andreas Kramer. Stikhi. Tamara Kudelina. Vospominaniya ob ottse Andrease Kramere = Die Welt ist schön: Andreas Kramer. Gedichte. Tamara Kudelin. Erinnerungen an den Vater Andreas Kramer [The World is Beautiful: Andreas Kramer. Poems. Tamara Kudelina. Memories of Father Andreas Kramer]. Barnaul, 2020, 318 p.
30. Shadt A.A. Trud sovetskikh trudarmeytsev v Sibiri v usloviyakh spetsposeleniya i "Trudovoy armii" [Labor of Soviet Trudarmeyets in Siberia in Conditions of Special Settlement and "Labor Army"], *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of Germans in Siberia], [kollektiv. monogr.], P.P. Vibe (ed.). Omsk, Publ. OGIK muzeya, 2009, pp. 444-464.
31. *GANO*, coll. P-92, aids. 1, fol. 509.
32. Konev E.V. Politika zakrepleniya nemetskogo naseleniya v mestakh byvshego spetsposeleniya vo vtoroy polovine 1950-kh gg. (na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey) [The policy of Consolidation of the German Population in the Places of Former Special Settlement in the Second Half of the 1950s (on the materials of the Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions)], *Klyuchevye problemy istorii rossiyskikh nemtsev* [Key Problems of the History of Russian Germans], *materialy X mezhdunar. konf. Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev (Moscow, 18-21 November, 2003)*. Moscow, MSNK-press, 2004, pp. 128-134.

33. Belkovets L.P., Shadt A.A. Spetspereselentsy - nemtsy Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Special Settlers - Germans of the Novosibirsk Region during the Great Patriotic War], *Pyat'desyat let pobedy sovetskogo naroda nad fashizmom v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Fifty Years of Victory of the Soviet People over Fascism in the Great Patriotic War], *materialy nauch. konf.* Novosibirsk, 1995, pp. 269-272.

Информация об авторе

Скоп Евгения Александровна — независимый исследователь, аспирант, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: skopevgenia22@gmail.com

Information about the author

Evgenia A. Skop — independent researcher, Post-graduate student, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: skopevgenia22@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 25.07.2024.

The article was submitted 19.06.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 25.07.2024.